

ОТ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА К ГИПЕРПРОСТРАНСТВЕННОМУ РАЗЛИЧЕНИЮ

*Главное для современного человека не сенсорный
жизненный мир, а те смыслы, которые рождаются
зрительным и слуховым пространствами.*

Пигров К.С. [5,153]

Статья опубликована в сборнике: Перспективы . – 2005. – №3 (31). – С. 132-137.

Главной проблемой, стимулирующей размышления о грамматическом пространстве, стало непрерывно увеличивающееся многообразие подходов, концепций, теорий, поясняющие те или иные философские категории, общенаучные понятия. Так, к примеру, *сознание* становится одной из важнейших исследовательских тем в психологии, нейрофизиологии, социологии и целом ряде других дисциплин. Если к этому добавить различные философские подходы осмысления сознания, то возникает сложнообозреваемая множественность, упорядочивание которой не спасает введение наименований для различных направлений, школ, подходов. Гносеологическая ценность накопленных знаний и интуиций теряется в связи с практической невозможностью всевмещения и выстраивания надежной системы ориентации в этом непрерывно изменяющемся смысловом многообразии. С учетом сказанного, возникает закономерный вопрос: возможно ли в том, что на первый взгляд кажется возрастающее неупорядоченным, отыскать определенные закономерности?

Целью данной статьи является формулирование гипотезы о существовании и способе конструирования *грамматического пространства*, позволяющего фиксировать фонетическое, каллиграфическое, смысловое многообразие, проявляющееся в результате функционирования естественных языков, а также обсуждение элементарных следствий, вытекающих из данной гипотезы.

Размышлениям о грамматическом пространстве предшествовало продумывание интуиций о пространстве, развиваемых Э.Кассирером, М.Хайдеггером, Мерло-Понти, П.Флоренским, М.Бахтиным, Ю.Лотманом, что нашло отражение в ряде публикаций автора, в монографии «Гештальт сознания» [1].

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Как известно, слово *грамматика* происходит от греческого термина *gramma*, означающего - *буква, написание*. Это замечание может оказаться весьма значимым, так как попытка грамматического подхода к конструированию пространства фактически сводится к конструированию этого пространства с помощью букв. К сожалению, насколько это известно, к настоящему моменту последовательных философских исследований букв не проводилось, хотя в истории человеческой культуры существует очень интересная каббалистическая традиция, в рамках которой этому вопросу уделяется очень серьезное внимание.

Можно предположить, что буквы в грамматическом пространстве выступают в качестве пространственных координат. В таком пространстве можно однозначно зафиксировать любое имя, любое слово естественного языка.

Для достижения однозначности фиксации слова в грамматическом пространстве необходимо ввести временную компоненту, тем самым переходя к грамматическому пространству–времени (далее, с целью упрощения, под термином *грамматическое пространство* будет пониматься *грамматический*

пространственно-временной континуум). Для однозначной фиксации любого слова в грамматическом пространстве необходимо для любой буквы, входящей в слово, задать временную последовательность ее актуализации.

Грамматическое пространство остается абстракцией до появления субъекта, оперирующего его элементами (иначе – субъекта, оперирующего языком). Можно рассмотреть три направления деятельности этого субъекта (три операционных уровня).

Первый – **фонетический**. Предположим, речь идет только о фонетической стороне буквы, о соответствующем звуке. Каждый оперирующий языком субъект, пытаясь «прожить», озвучить букву, привносит некий *уникальный* опыт звучания. Или иначе – по отношению к базовому звуку, задаваемому неким лингвистическим Адамом (по В. Просцевичусу), формируется некое звуковое подобие, являющееся результатом личностной модификации конкретного звука. Важно отметить, что при всей близости к зафиксированному традицией звучанию всегда имеет место некоторое качественное отклонение в звучании, привносимое субъектом. Если от отдельного звука перейти к произнесению целого слова, то весьма продуктивными можно считать рассуждения по этому поводу П. Флоренского: в результате многократного проговаривания слова происходит обогащение, изменение его фонемы. Фонема подвижна также, как и семема, объединяющая смысловые накопления слова.

Можно утверждать, что одно и то же слово, произносимое различными субъектами, имеет существенные качественные различия, которые есть возможность сделать зримыми, преобразовав звуковые колебания человеческого голоса в колебания электромагнитные, рассмотреть которые достаточно просто на экране осциллографа. Произносимый звук имеет определенный частотный рисунок, принадлежит определенному частотному спектру, или иначе, учитывая связь частоты и энергии, представляет собой энергию определенного качества.

Получается, что произносимый звук должен иметь не только основную координату в фонетическом подпространстве пространства грамматического, но и некоторую «качественную» координату, способную фиксировать качественные изменения звучания. Если объединить все соответствующие качественные координаты, то получается *обобщенная качественная координата*. В этой связи можно привести очень интересное рассуждение Э.Кассирера: «Пока мы мыслим каждое явление принадлежащим кругу изменчивого, оно дано лишь в одной временной точке – оно возникает в одно мгновение, а затем вместе с ним уносится. Определенные точки остановки и относительные точки покоя достигаются в этом непрерывном потоке изменений только за счет того, что – при всей изменчивости и текучести их содержания – они *указывают* на нечто постоянное за их пределами, на нечто, различными аспектами чего оказываются все эти изменчивые образы. Стоит изменчивому однажды стать представлением постоянного, и оно тут же обретает совершенно новый «облик»» [4, 126]. Введение обобщенной качественной координаты в грамматическом пространстве позволяет не только зафиксировать постоянно имеющие место качественные изменения звука, но и сформировать своеобразную «точку обзора» (или - позицию обзора) по отношению к происходящим качественным накоплениям.

Возвращаясь к конструкции грамматического пространства после проведенных рассуждений, некоторые моменты следует уточнить.

В грамматическом пространстве следует выделить три подпространства. Первое подпространство – *фонетическое*, координатами которого выступают звуки, соответствующие каждой букве, второе подпространство – *графическое*, координаты этого подпространства соответствуют графическому изображению букв, третье

подпространство – подпространство *смысла*, представления о нем будут более подробно представлены чуть ниже.

Во всех подпространствах целесообразно ввести дополнительную группу координат, фактически «оживотворяющую» эти подпространства. Если рассматривать звуковое подпространство, то каждый звук будет иметь кроме основной координаты, фиксирующей «отправное», «стартовое» звучание – дополнительную координату, позволяющую отмечать качество произнесения звука. Аналогичную процедуру можно провести и в графическом, и в смысловом подпространствах. Важно одно: каждый новый акт оперирования буквой (ее звуковым, графическим эквивалентом), фиксирует качественные изменения. Естественно, в силу очевидной связанности через посредство языка субъекты языковой активности обмениваются своими индивидуальными фонетическими и каллиграфическими качественными наработками. И, вероятно, если бы была возможность проследить во времени, к примеру, *среднестатистическое* (для всех оперирующих языком субъектов) качество звучания того или иного звука, то, вероятно, были бы зафиксированы соответствующие качественные изменения. Или иначе – со временем среднестатистический уровень звучания звука меняется.

Теперь, пытаясь обобщить приведенные рассуждения, можно более лаконично сформулировать гипотезу о грамматическом пространстве:

1. Грамматическое пространство имеет, по крайней мере, следующие подпространства: фонетическое (фонематическое), семематическое (смысловое), графическое. Каждое из этих подпространств развивается сходным образом.
2. Важнейшей конструктивной особенностью грамматического пространства является наличие «качественных» обобщенных координат, фиксирующих момент развития элементов этого пространства.
3. Грамматические пространства могут быть введены не только для естественных, но и для любых языков.

Может возникнуть вопрос: насколько синхронно развиваются подпространства грамматического пространства? Элементарное обращение к жизненному опыту каждого человека указывает на то, что первоначально включается освоение человеком фонетического пространства, затем имеет место более интенсивная работа с графическим (каллиграфическим) пространством, и, наконец, в течение всей жизни идет интенсивное освоение смыслового (семематического) пространства.

На данном этапе рассуждений необходимо ввести очень важное уточнение: пространство и оперирующий элементами пространства мыслящий субъект взаимосвязаны. Пространство изменяется, развивается только за счет деятельности субъекта. Можно допустить, также, как это сделал Ю.Лотмат, что пространство существовало до начала оперирования его элементами мыслящим субъектом. Эта первоначальная или «доисторическая» стадия существования пространства фиксировала определенное, «стартовое» значение обобщенной качественной координаты (вектор в пространстве качественных координат). С началом деятельности оперирующего языком субъекта обобщенная качественная координата начала изменяться. Вполне допустимо, что исторический период существования мыслящих субъектов или человечества, ограничен определенным значением этой качественной координаты. Достижение этого изначально зафиксированного значения обобщенной качественной координаты соответствует достижению своеобразной «полноты» для конкретного пространства.

ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛА

Аналогично фонетическому и графическому подпространствам может быть введено представление о подпространстве смысла (в дальнейшем – пространстве

смысла). Конструкцию пространства смысла легче уяснить, если ввести представление о *частном пространстве смысла*.

Частные пространства смысла

Как уже отмечалось, грамматическое пространство оказывается абсолютной абстракцией до момента включения пространственной активности субъекта. Деятельность каждого конкретного субъекта предполагает создание *уникального* частного пространства смысла. Можно попытаться проследить процесс развития этого пространства во времени.

Осмысление человеком Мира в процессе жизнедеятельности начинается с процедур *именования* и *означения*. Предметы окружающего вещного мира именуются. На основе абстрактного грамматического пространства начинает формироваться частное грамматическое пространство, характеризующееся на каждом этапе своего развития определенным словарным запасом и смысловой полнотой. Если на первых этапах развития частного грамматического пространства доминируют процессы *именования*, то затем подключаются процедуры *означения*. При означении один объект частного грамматического пространства (слово) отражается в некоторой группе других объектов, тем самым организуется *связность пространства*. Процедуры *означения* позволяют пространственно фиксировать свойства, качества, специфику связей объектов грамматического пространства.

Одновременно с процедурами означения осуществляются процедуры фиксирования смыслов. Как и при означении, в ходе фиксирования смыслов один элемент грамматического пространства связывается в определенной последовательности с рядом других элементов, формируя некоторый смысл. Возникшую связность можно определить как *смыслообразующий конструкт*. Образование подобных конструктов хорошо отслеживается в речи ребенка, который, к удивлению взрослых, начинает выстраивать неожиданные смысловые связи. Вначале эти «неожиданности» воспринимаются как проявления определенных интеллектуальных способностей ребенка, но затем, в силу того, что обнаруженные связи выпадают из традиционного способа означения случайно найденные неожиданные смыслы «забываются». По мере продолжения культурной адаптации ребенок *программируется* традиционным (культурно одобренным) набором означений.

Смыслопорождающую деятельность можно рассматривать как элементарный творческий акт и само творчество определить как деятельность, направленную на обнаружение новых смысловых конструктов.

В самом общем виде отличие *смысловых конструктов* от *смыслов* можно зафиксировать следующим образом: смысловой конструкт является *материальным носителем* смысла, смысловым конструктом осуществляется феноменальное проявление смысла. Однако существование смыслового конструкта вовсе не гарантирует обнаружение соответствующего смысла.

На данном этапе рассуждения следует уточнить, что субъект, фиксирующий (производящий) смыслы, может эти смыслы *обнаруживать* или *не обнаруживать*. Фиксация смысла не является гарантией его обнаружения. *Обнаружение смысла* происходит тогда, когда некоторый смысловой конструкт *означается* как некоторый смысл. Обнаружение смыслов также является творческим актом. Творчество включает как минимум две фазы: фазу фиксации смысла в смыслопорождающем конструкте и фазу проявления смысла (отсюда и возникают представления о творческом зрителе, читателе, слушателе).

Находясь в частном смысловом пространстве смысловые конструкты неустойчивы, чрезвычайно подвижны, ибо происходит своеобразная отливка того, что выражается, оформляется, обозначается. Смысловые конструкты, представленные отдельными выражениями (высказываниями) могут быть

организованы в тексты. Тексты позволяют начать процесс культурного развития или культурной ассимиляции обнаруженных смыслов. Благодаря текстам, смыслы частных смысловых пространств начинают внутрикультурную циркуляцию. Культурные тексты оказываются вместилищем как культурно принятых значений, благодаря которым и оказываются возможным коммуникативные акты, так и уникальных частных авторских смыслов.

Если процедура означения позволяет выстраивать строгие дефиниции, благодаря которым формируется понятийная прозрачность, ясность, то новые смыслы фиксируются концептами. Зачастую концепт представлен замысловатой вязью смыслообразующих конструкторов и потому процедура выявления смысла оказывается достаточно сложной.

Возвращаясь к объектам грамматического пространства можно сделать вывод, что один и тот же объект может выступать, с одной стороны – понятием, предельно ясно связанным, благодаря строгой дефиниции, с другими элементами пространства, с другой – концептом, формирующим новые смыслы. Именно поэтому пространство смысла можно мыслить как непрерывно развивающееся.

Частное пространство смысла оказывается своеобразным питомником, питательным бульоном новых смыслов, часть из которых фиксируется в текстах и таким образом попадает в общекультурное обращение.

Каждый новый смысл, обнаруживаемый в объекте грамматического пространства, фиксирует некое новое качество, что и позволяет вести речь о существовании для каждого объекта в пространстве смысла некой качественной координаты. Тем самым каждый объект обретает определенную смысловую качественную многомерность. Если учесть, что конкретный уровень этой смысловой многомерности проявлен (зафиксирован) с помощью частных пространств смысла, то получается, что обозначенное в самом начале рассуждений грамматическое подпространство смысла есть *смысловое гиперпространство*. И это гиперпространство находится в непрерывном развитии, формируя качественную координату в пространстве смысла. Каждое из подпространств гиперпространства является частным пространством смысла. Каждая категория, понятие, концепт (в зависимости от уровня познавательного оперирования), являясь элементом грамматического пространства, обладает своим гиперпространством смысла и потому оперирование элементами грамматического пространства на самом деле есть оперирование гиперпространствами.

Выдвинутая гипотеза обнаруживает неожиданное применение при осмыслении методологии постмодернизма. Можно предположить, что в рамках постмодернизма миру весьма наглядно был явлен образ гиперпространств. Постмодернистский коллаж, составленный из фрагментов отдельных текстов, представляет собой практически наглядную модель гиперпространства. Более того, общекультурная оценка постмодернизма как кризисного направления является довольно точной, ибо греческое слово «кризис» означает как раз *разделение* или *отделение*. К сожалению, в культуре зафиксирован, и активно функционирует, лишь один смысл слова кризис, а именно – нравственная оценка процесса *отделения*, имеющая определенный негативный оттенок. Если же посмотреть на кризис как на *разделение*, в результате которого формируется новый уровень *различения*, то кризис оказывается предвестником выхода на качественно новый уровень. Кризисность постмодернизма открывает миру возможность *гиперпространственного различения*. Интересно, что постмодернистские интуиции были фактически еще в начале двадцатого века проявлены в культуре: и в живописи (к примеру, в полотнах Пабло Пикассо или Аристарха Лентулова), и в стилевых проявлениях эклектики.

Упоминание об эклектике моментально приводит к мысли о том, что периоды стилевой эклектики хорошо прослеживаются в различных культурах. Следовательно,

из этого можно предположить, что к идее гиперпространства человечество подошло давно, но только сейчас эта идея получала практическое приложение в формировании компьютерных сетей, сети Интернет.

Подводя итог сказанному, можно сформулировать следующие выводы:

1. Введение гипотезы о существовании грамматического пространства и его конструктивных особенностях приводит к необходимости введения представления о гиперпространстве смысла.

2. Гиперпространство смысла конструктивно объединяет частные пространства смысла.

3. Как частные смысловые пространства так и гиперпространство развивается благодаря деятельности оперирующего языком субъекта.

Формулирование представленной гипотезы является самым первым шагом на пути раскрытия механизмов функционирования гиперпространства смысла и частных смысловых пространств, к элементарным конструктивным элементам которых следует отнести – смыслообразующие конструкты, концепты. Более подробно авторская точка зрения на природу концепта представлена в публикациях [2], [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатая Л.Н. Гештальт сознания. –Одесса, Альянс-Юг, 2004 г. - 221 с.
2. Богатая Л.Н. Концепт и близлежащие категории: смысл, событие, хаос // Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди. Серія „Філософія”. – Харків: ХНПУ, 2005. Вип. 20.
3. Богатая Л.Н. Концепт: возрождение через возвращение // Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди. Серія „Філософія”. – Харків: ХНПУ, 2006. Вип. 21.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. В 3-х т. – М.,СПб., Университетская книга, 2002.
5. Пигров К.С. Звучащая философия. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.147-158.